Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Фридрих Шиллер

Коварство и любовь

Перевод с немецкого
Николая Любимова

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Фридрих Шиллер

Коварство и любовь

«ФТМ»

1784

Шиллер Ф.

Коварство и любовь / Ф. Шиллер — «ФТМ», 1784 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

ISBN 978-5-4467-0466-8

«Миллер (быстро ходит по комнате). Довольно! Это уже не шутки. Скоро весь город заговорит о моей дочери и о бароне. Моему дому грозит бесчестье. Дойдет до президента и… Одним словом, больше я этого дворянчика сюда не пускаю. Жена. Ты же не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему свою дочку. Миллер. Я не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему девчонки, но кто станет в это вникать?.. Я у себя в доме хозяин. Мне надо было как следует пробрать дочку. Мне надо было хорошенько намылить шею майору, а не то сей же час все выложить его превосходительству – папеньке. Могу сказать заранее: молодой барон получит нагоняй – и дело с концом, а все беды посыплются на скрипача…»

ISBN 978-5-4467-0466-8

© Шиллер Ф., 1784
© ФТМ, 1784

Содержание

Действующие лица 5
Акт первый 6
Сцена первая 6
Сцена вторая 8
Сцена третья 11
Сцена четвертая 13
Сцена пятая 15
Сцена шестая 17
Сцена седьмая 18
Акт второй 21
Сцена первая 21
Сцена вторая 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Фридрих Шиллер
Коварство и любовь
Мещанская трагедия

Действующие лица

Фон Вальтер, президент при дворе немецкого герцога.
Фердинанд, его сын, майор.
Гофмаршал фон Кальб.
Леди Мильфорд, фаворитка герцога.
Вурм, личный секретарь президента.
Миллер, учитель музыки.
Его жена.
Луиза, его дочь.
Софи, камеристка леди.
Камердинер герцога.
Разные второстепенные лица.

Акт первый

Сцена первая

Комната в доме музыканта.

***Миллер** встает с кресла и отставляет виолончель.*

*За столом сидит **жена Миллера**, еще в капоте, и пьет кофе.*

Миллер *(быстро ходит по комнате)*. Довольно! Это уже не шутки. Скоро весь город заговорит о моей дочери и о бароне. Моему дому грозит бесчестье. Дойдет до президента и… Одним словом, больше я этого дворянчика сюда не пускаю.

Жена. Ты же не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему свою дочку.

Миллер. Я не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему девчонки, но кто станет в это вникать?.. Я у себя в доме хозяин. Мне надо было как следует пробрать дочку. Мне надо было хорошенько намылить шею майору, а не то сей же час все выложить его превосходительству – папеньке. Могу сказать заранее: молодой барон получит нагоняй – и дело с концом, а все беды посыплются на скрипача.

Жена *(прихлебывая кофе)*. Вздор! Пустяки! Что с тобой может приключиться? Кто тебе может навредить? Ты занят своей музыкой да, где только можешь, ловишь учеников.

Миллер. Нет, ты мне скажи, что из всего этого выйдет?.. Жениться на девчонке он не женится, – о женитьбе тут не может быть и речи, а стать какой-то, прости господи… это уж извините!.. Где только эти барчуки не таскаются, черт знает чем только не лакомятся! Так что же удивительного, что эдакого сладкоежку вдруг потянуло на свеженький огурчик? Сторожи не сторожи, хоть во все щелочки за ним подглядывай, за каждым его шагом следи, – все равно наблудит он у тебя под носом, испортит девчонку – и был таков. А девчонке вовек сраму не избыть! О замужестве тогда уж и не мечтай, а то еще, глядишь, приохотится и так по этой дорожке и пойдет. *(Ударяет себя кулаком по лбу.)* Боже мой! Боже мой!

Жена. Сохрани нас, Господи, и помилуй!

Миллер. Сами должны себя сохранять. Чего еще можно ждать от такого повесы? Девчонка красивая, статная, ножки у нее стройные. На чердаке у нее может быть все, что угодно, – на этот счет с женского пола спрос не велик, только бы вас Господь первым этажом не обидел. Стоит такому волоките высмотреть ножки – готово дело! У него взыграло ретивое, как все равно у Роднея, когда тот зачует французов, – и пошел очертя голову, и пошел! И… и я его не виню. Все мы люди, все человеки. По себе знаю.

Жена. Ты бы посмотрел, какие распрекрасные записки пишет твоей дочке его милость! Господи Боже мой, да тут всякий поймет, что только ее чистая душа ему и нужна!

Миллер. Как бы не так! На языке одно, а на уме другое. Кто на тело заглядывается, тот всегда о душе толкует. Сам-то я как поступал? Чуть только спелись сердца – глядь, и тела туда же за ними, – челядь берет пример с господ! И выходит на поверку, что месяц серебристый – всего-навсего сводник.

Жена. Ты бы поглядел, какие роскошные книжки господин майор посылает к нам в дом. Твоя дочь-то молится по этим книгам.

Миллер *(свистит)*. Как же, молится! Много ты понимаешь! Простую, натуральную пищу нежный желудок его милости не переваривает. Сначала господин майор должен отдать ее на выварку искусным поварам той адской, чумной кухни, что зовется изящной словесностью. В печку всю эту пакость! Девчонка наберется Бог знает чего, разного невероятного вздора, кровь у нее забурлит, как от шпанской мушки, – и прощайте тогда крупицы христианской веры, которую отец и так уж с грехом пополам в ней поддерживал! В печку, тебе гово-

рят! Девчонка забивает себе голову всякой чертовщиной, уносится мыслью в тридесятые государства и в конце концов потеряет, позабудет дорогу в родные палестины, устыдится, что ее отец – скрипач Миллер, и отвадит хорошего, почтенного зятя, который как раз пришелся бы мне ко двору… Ну уж нет, накажи меня Бог! *(Вскакивает; в сердцах.)* Скорей, пока не поздно! А майору… да, да, майору… поворот от ворот. *(Направляется к выходу.)*

Жена. С ним надо быть повежливее, Миллер. Мы немало нажились на одних только его подарочках!..

Миллер *(возвращается и останавливается перед ней)*. Это что же, плата за честь моей дочери?.. Убирайся ты к черту, мерзкая сводня!.. Лучше я возьму скрипку и пойду по миру, буду играть за тарелку супу, лучше я разобью свою виолончель и набью ее навозом, но только ни за что не притронусь к деньгам, ради которых единственное мое дитя пожертвовало своею душою и вечным спасением. Откажись от проклятого кофе и от нюхательного табаку, – вот тебе и не нужно будет торговать красотой твоей дочери. Я жрал до отвала и носил тонкие сорочки еще до того, как этот отпетый негодяй повадился ко мне в дом.

Жена. До чего же ты невоздержан на язык! Закусишь удила – и уж себя не помнишь! Я вот о чем толкую: ни с того ни с сего взять да и прогнать господина майора? Нет, так не годится, – ведь он не кто-нибудь, а сын президента.

Миллер. Тут-то собака и зарыта. Вот потому-то, именно потому мы и должны нынче же с этим покончить. Если президент – хороший отец, он еще будет мне благодарен. Почисти-ка мой красный бархатный кафтан, – пойду попрошу его превосходительство, чтобы он меня принял. Я скажу его превосходительству: «Сыну вашей милости приглянулась моя дочь. Моя дочь недостойна быть женой сына вашей милости, но взять мою дочь в полюбовницы – это для сына вашей милости слишком большая роскошь. Вот вам и все! Меня зовут Миллер».

Сцена вторая

Те же и ***секретарь Вурм****.*

Жена Миллера. А, с добрым утром, господин секлетарь! Наконец-то вы опять оказали нам честь!

Вурм. Полно, полно, голубушка! Где постоянно бывает знатный кавалер, там моя мещанская честь ровно ничего не стоит.

Жена Миллера. Будет вам, господин секлетарь! Его высокородию господину майору фон Вальтеру и впрямь нет-нет да и припадет охота нас осчастливить, но мы-то ведь каждому рады.

Миллер *(с досадой)*. Жена, подай господину секретарю кресло! Милости просим, сударь!

Вурм *(кладет шляпу, палку и садится)*. Ну ладно, ладно! А как поживает моя будущая супру… или, вернее; моя бывшая невес… ведь я уже не смею надеяться… Можно видеть… мамзель Луизу?

Жена Миллера. Спасибо за внимание, господин секлетарь. Должна вам сказать, что дочка моя ничуть не спесива…

Миллер *(с досадой толкает ее локтем)*. Жена!

Жена Миллера. Да вот беда: не придется ей нынче с вами повидаться, господин секлетарь. Она сейчас у обедни.

Вурм. Это хорошо, это хорошо. Я хочу, чтоб жена у меня была набожная, богобоязненная.

Жена Миллера *(с величественно-глупой улыбкой)*. Оно конечно, господин секлетарь, да только…

Миллер *(явно смущен; дергая ее за ухо)*. Жена!

Жена Миллера. Ежели, господин секлетарь, мы можем еще чем-либо вам услужить, то это мы с нашим удовольствием…

Вурм *(прищурившись)*. Еще чем-либо? Покорно благодарю! Покорно благодарю! Гм! Гм! Гм!

Жена Миллера. Вы, господин секлетарь, сами должны чувствовать…

Миллер *(со злостью толкает ее в спину)*. Жена!

Жена Миллера. Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше! Кто же это станет мешать единственной дочке, когда ей счастье привалило? *(С гордостью простолюдинки.)* Вы меня хорошо поняли, господин секлетарь?

Вурм *(беспокойно ерзает в кресле, чешет за ухом, поправляет манжеты и жабо)*. Понял? Не совсем… То есть да… Что, собственно, вы хотели этим сказать?

Жена Миллера. Так вот… так вот… я все-таки думаю… я смекаю… *(кашляет)* раз уж Господу так угодно, чтоб дочка моя была знатной дамой…

Вурм *(вскакивает со стула)*. Что такое? Что вы сказали?

Миллер. Сидите, сидите, господин секретарь! Моя жена – дура набитая. Куда моей дочке до знатной дамы? Вот язык-то без костей!

Жена Миллера. Можешь ворчать, сколько тебе угодно, а я что знаю, то знаю, и что господин майор сказал, то он сказал.

Миллер *(в бешенстве бросается к виолончели)*. Заткнешь ты глотку или нет? Хочешь, чтобы я тебя виолончелью по башке треснул? Что ты можешь знать? Что такое он мог сказать? Не обращайте внимания на эти россказни, сударь!.. А ты – марш на кухню!.. Ведь вы же меня не считаете за дурака, не считаете, что и я стою на том, чтобы моя дочь рубила дерево не по плечу? Не правда ли, господин секретарь?

Вурм. Было бы странно, если б вы ко мне вдруг переменились, господин музыкант. Вы всегда казались мне хозяином своего слова, и я полагал, что мой брак с вашей дочерью – это уже решено и подписано. Должность, которую я занимаю, вполне может прокормить человека расчетливого. А президент ко мне благоволит; если мне понадобится рекомендация, чтоб получить повышение, то мне ее дадут. Как видите, намерения у меня по отношению к мамзель Луизе самые серьезные, но вас, быть может, сбил с толку какой-нибудь дворянчик, у которого ветер в голове…

Жена Миллера. Легче, легче, милостивый государь…

Миллер. Говорят тебе, заткни глотку!.. Будьте спокойны, сударь, все остается по-старому. Что я ответил вам осенью, то повторяю и сейчас. Я свою дочь не неволю. Подходите вы ей – с Богом, пусть постарается быть с вами счастлива. Если же она скажет «нет» – тем лучше… то есть я хотел сказать, на все воля Божья. По случаю отказа распейте с ее отцом бутылочку, только и всего… Жить с вами ей – не мне. Какое я имею право только из упрямства насильно выдавать свою дочь за человека, который ей не нравится? Чтобы потом нечистый до конца дней моих гонялся за мной по пятам? Чтобы за каждым стаканом вина, за каждой тарелкой супа я потом твердил себе: «Подлец! Родное дитя погубил»?

Жена Миллера. Одним словом, я на это никак не согласна: моей дочери подавай что-нибудь повыше… Ну а если мой муж позволит обвести себя вокруг пальца, то я прямо в суд.

Миллер. Я тебе руки и ноги переломаю, трещотка окаянная!

Вурм *(Миллеру)*. Совет отца может иметь большое влияние на дочь, а ведь вы, господин Миллер, кажется, достаточно хорошо меня знаете?

Миллер. Черт возьми! Надо, чтобы она вас знала! Что я, старый хрыч, в вас замечаю, то для молодой лакомки вовсе не приманка. Я вам по пальцам разберу, годитесь вы для оркестра или нет, но женское сердце – это не капельмейстерова ума дело. Я неотесанный, простодушный немец, и я вам, сударь, скажу напрямик: за мой совет вы бы меня в конце концов не поблагодарили. Я моей дочери еще ни за кого не советовал выходить, но за вас, господин секретарь, я ей отсоветую!.. Дайте мне договорить… За жениха, который обращается за помощью к отцу, я, извините, не дал бы и ломаного гроша. Если он чего-нибудь стоит, то он постыдится таким старомодным способом открывать ей свои совершенства. Если же у него не хватает духа, значит, он трус; и такие девушки, как Луиза, не про него писаны… Э, да что там, он должен высватать себе девушку за спиной у ее отца… Он должен так ей полюбиться, что она скорей папеньку с маменькой к черту пошлет, а уж его из рук не выпустит или же сама бросится отцу в ноги и станет Христом-Богом молить либо умертвить ее лютой смертью, либо соединить их сердца. Это, я понимаю, парень! Это называется – любовь! А кто с женским полом обходиться не умеет, тот садись верхом на гусиное перо – и до свиданья!

Вурм *(хватает шляпу, палку и бросается к выходу)*. Очень вам признателен, господин Миллер!

Миллер *(медленно идет за ним)*. За что же? За что? Мы вас и не попотчевали, господин секретарь! *(Возвращается.)* Ничего не слышит, бежит без оглядки. Для меня эта чернильная душа хуже всякой отравы, хуже яда. У него такая мерзкая, такая поганая харя, что кажется, будто он и на свет-то Божий проник благодаря плутням какого-нибудь контрабандиста. Глазки вороватые, мышиные, волосы огненно-рыжие, подбородок так вылез вперед, словно природа с досады на свою неудачную работу схватила мошенника именно за это место и постаралась зашвырнуть как можно дальше… Нет, чем толкать дочь в объятия такого проходимца, пусть лучше она у меня, с позволения сказать…

Жена Миллера *(плюет; со злостью)*. Собака!.. Разевай не разевай свою пасть, все равно ни при чем останешься.

Миллер. И ты тоже с этим окаянным барчуком! До белого каления меня сейчас довела. Когда ты из кожи вон лезешь, чтобы сойти за умную, тут-то ты как раз глупее всего и быва-

ешь. Ну к чему вся эта болтовня о знатной даме и о твоей дочери? Да еще при этой протобестии! Ему только намекни – завтра же об этом будут судачить на всех колодцах. Такие-то господа и шныряют по чужим домам, заглянут и в кухню и в погреб, и чуть у кого сорвется с языка лишнее слово – бац! об этом уже знают и герцог, и фаворитка, и президент, а тебе беды не обобраться.

Сцена третья

Те же и ***Луиза Миллер*** *с книгой в руке.*

Луиза *(кладет книгу, подходит к Миллеру и пожимает ему руку)*. С добрым утром, папенька!

Миллер *(ласково)*. Умница, Луиза! Меня радует, что ты так усердно молишься Богу. Будь всегда такой, и Господь тебя не оставит.

Луиза. Ах, отец, я великая грешница!.. Мама, он не приходил?

Жена Миллера. Кто, дочка?

Луиза. Да, я и забыла, что, кроме него, еще есть на свете люди! Я стала такая рассеянная… Так Вальтер у нас не был?

Миллер *(печально и строго)*. Я думал, моя Луиза оставила это имя там, в церкви.

Луиза *(пристально посмотрев на него)*. Я понимаю вас, отец, чувствую, как вы вонзаете нож в мою совесть, но уже поздно… Прежнего благочестия нет во мне больше, отец. Небо и Фердинанд раздирают на части мое израненное сердце, и я боюсь… боюсь… *(После некоторого молчания.)* Нет, нет, папа! Когда мы, любуясь картиной, забываем о художнике, то для него это лучшая похвала. Когда от восторга перед совершеннейшим творением Создателя я перестаю думать о нем самом, то разве это не приятно Богу, отец?

Миллер *(в негодовании опускается в кресло)*. Дожили! Вот они, плоды безбожных книжек!

Луиза *(в беспокойстве подходит к окну)*. Где-то он теперь? Знатные барышни, те видят, слышат его. А я – простая, покинутая девушка. *(Пугается собственных слов и бросается к отцу.)* Нет, нет, простите меня! Я на судьбу не ропщу, я ничего не хочу, только… только думать о нем… А это такое скромное желание! Моя короткая земная жизнь… Как бы я была счастлива, если бы она излетела из моих уст и легким, ласкающим ветерком освежила ему лицо! Цвет моей младости… Будь то фиалка и он бы на нее наступил, – как покорно умерла бы она под его стопой!.. Больше мне ничего не надо, отец! Если мошка хочет, чтобы солнечный луч согрел ее, то станет ли ее за это наказывать гордое, царственное солнце?

Миллер *(растроганный, откидывается на спинку кресла и закрывает лицо руками)*. Послушай, Луиза: весь жалкий остаток дней моих я отдал бы за то, чтобы ты никогда не видала майора.

Луиза *(испуганно)*. Что такое? Что вы говорите?.. Не то вы, верно, хотели сказать, милый папенька! Вы не знаете, что Фердинанд – мой, что он создан для меня, что он послан мне на радость отцом всех любящих. *(Задумчиво.)* Когда я увидела его впервые… *(оживившись)* я вся вспыхнула, кровь заиграла веселее, и биение каждой жилки говорило мне, каждый мой вздох шептал мне: «Это он!..» И сердце мое, узнав вечно желанного, согласилось: «Это он!» И как же дружно повторил за ним эти слова весь мир, радовавшийся вместе со мной! Тогда… о, тогда в моей душе настало утро! Множество юных чувств распустилось у меня в сердце, подобно тому как весной из земли вырастают цветы. Я не замечала окружающего мира, и все же я припоминаю, что никогда еще не был он так прекрасен. Я совсем не думала о Боге, и все же никогда еще так не любила его.

Миллер *(бросается к ней и прижимает к своей груди)*. Луиза, милое, любимое дитя мое! Возьми мою старую, дряхлую голову… все возьми… все!.. Но… Бог свидетель… майора… я тебе дать не властен. *(Уходит.)*

Луиза. Здесь он мне и не нужен, отец! Эту частицу времени, крохотную, будто капля росы… да ее с жадностью поглотит самая мечта о Фердинанде! В этой жизни я на него не посягаю. Но потом, мама, потом, когда перегородки земных различий рухнут, когда с нас спадет ненавистная шелуха сословий и люди станут только людьми… я из этого мира не

принесу с собой ничего, кроме моей невинности. Но ведь отец говорил много раз, что, когда придет Господь, драгоценности и пышные титулы подешевеют, а сердца вздорожают. Тогда я буду богата, мама! Там слезы зачтутся за подвиги, а благие помыслы – за славных предков. Тогда я стану знатной, мама! Чем же он тогда будет выше своей любимой?

Жена Миллера *(вскочив)*. Луиза! Майор! Вон он, перескочил через ограду. Куда бы мне деться?

Луиза *(дрожа)*. Останьтесь, мама!

Жена Миллера. Господи! На что я похожа! Мне совестно. Я не могу в таком виде показаться его милости. *(Уходит.)*

Сцена четвертая

***Фердинанд фон Вальтер**, **Луиза**. Фердинанд подбегает к ней; Луиза, побледнев, в изнеможении опускается в кресло; Фердинанд останавливается перед ней. Некоторое время они молча смотрят друг на друга. Пауза.*

Фердинанд. Как ты бледна, Луиза!

Луиза *(бросается к нему в объятия)*. Ничего! Ничего! Ты со мной. Все прошло.

Фердинанд *(подносит ее руку к губам)*. Моя Луиза все еще меня любит? Мое сердце – такое же, как и вчера, а твое? Я лечу к тебе, хочу посмотреть, весела ли ты, и уйти от тебя повеселевшим, а ты грустишь.

Луиза. Да нет же, нет, мой любимый!

Фердинанд. Говори правду. Ты грустишь. Я вижу насквозь твою душу, как вот этот чистой воды брильянт. *(Показывает на свое кольцо.)* На нем не может появиться ни одного пузырька, которого бы я не заметил, ни одна мысль не мелькнет в твоих глазах, которую бы я не уловил. Что с тобой? Признайся! Когда это зеркало ничем не замутнено, то весь мир для меня безоблачен. Что тебя печалит?

Луиза *(некоторое время смотрит на него молча и многозначительно; с грустью)*. Фердинанд! Фердинанд! Если бы ты знал, какой прекрасной кажется в твоем изображении бедная девушка, простая мещанка!

Фердинанд. Что ты сказала? *(В изумлении.)* Девочка моя! Послушай! Как могло это прийти тебе в голову? Ты – моя Луиза. Кто тебе внушил, что этого недостаточно? Вот видишь, неверная, как ты ко мне холодна! Если б ты вся была охвачена любовью, стала бы ты думать о различиях? Когда я с тобой, рассудок мой весь уходит в зрение; когда же я вдали от тебя, он переплавляется в мечту о тебе. А ты и в любви способна сохранять благоразумие? Стыдись! Мгновенья, которые ты провела в тоске, – это мгновенья, похищенные у твоего любимого.

Луиза *(берет его за руку и качает головой)*. Ты хочешь усыпить меня, Фердинанд, хочешь отвлечь мое внимание от той пропасти, куда я непременно сорвусь. А я смотрю вперед. Голос славы, твои замыслы, твой отец, мое ничтожество… *(Охваченная страхом, выпускает его руку.)* Фердинанд! Меч занесен над тобой и надо мной! Нас хотят разлучить!

Фердинанд. Хотят разлучить? *(Вскакивает.)* Откуда у тебя эти мрачные мысли? Хотят разлучить! Но кто же в силах разорвать союз двух сердец или разъединить звуки единого аккорда?.. Я дворянин? Подумай, что старше – мои дворянские грамоты или же мировая гармония? Что важнее – мой герб или предначертание небес во взоре моей Луизы: «Эта женщина рождена для этого мужчины»? Я сын президента? Тем лучше! Что еще, кроме моей любви, способно искупить те проклятия, которые падут на мою голову из-за того, что мой отец грабит страну?

Луиза. Ах, твой отец!.. Как я боюсь его!

Фердинанд. А я ничего не боюсь… ничего. Боюсь только, что ты меня разлюбишь. Пусть между нами вырастут целые горы – для меня это лишь ступени, по которым я взлечу к моей Луизе. Бури, насылаемые на нас враждебным роком, еще сильнее раздуют пламень чувств моих, опасности придадут моей Луизе еще большую прелесть… Отринь же страх, моя любимая! Я сам, сам буду тебя стеречь, как дракон стережет подземное золото! Доверься мне! Я буду твоим ангелом-хранителем. Я заслоню тебя от ударов судьбы, приму за тебя какую хочешь муку, капли не пролью из кубка радости – все до одной принесу тебе в чаше любви. *(Нежно обнимает ее.)* Опираясь на эту руку, моя Луиза сможет легкой стопою пройти по дороге жизни. Когда же ты снова попадешь на небо, оно с изумлением признает,

что ты стала еще прекраснее, чем была тогда, когда оно отпускало тебя на землю, и что душа достигает полной зрелости только в любви.

Луиза *(в сильном волнении вырывается из его объятий)*. Довольно! Прошу тебя, молчи!.. Если б ты знал!.. Оставь меня… Ты не чувствуешь, как твои мечты фуриями терзают мне сердце. *(Хочет уйти.)*

Фердинанд *(удерживает ее)*. Луиза! Что ты? О чем? Что с тобой творится?

Луиза. Я перестала на это надеяться – и была счастлива… Но теперь, теперь, с этого дня… мне уже не знать покоя… Я чувствую: дикие страсти закипят в груди моей… Ступай… Да простит тебя Господь!.. Ты зажег пожар в моем юном, безмятежном сердце, и уже ничто, ничто его не потушит. *(Убегает.)*

Фердинанд *молча следует за ней.*

Сцена пятая

Зал в доме президента.

Входят ***президент****, с орденским крестом на шее, со звездой на груди, и* ***секретарь Вурм****.*

Президент. Глубокая привязанность! Мой сын?.. Нет, Вурм, никогда я этому не поверю.

Вурм. Сделайте милость, ваше превосходительство, позвольте мне представить доказательства.

Президент. Что он ухаживает за этой ничтожной мещанкой, говорит ей приятные вещи, может быть, даже толкует с ней про любовь – все это я допускаю, все это простительно, но… Так вы говорите, она дочь музыканта?

Вурм. Дочь учителя музыки Миллера.

Президент. И хорошенькая?.. Впрочем, это само собой разумеется.

Вурм *(живо)*. Прелестная блондинка. Смело можно сказать, что она не уступит первым придворным красавицам.

Президент *(со смехом)*. Ах, вот оно что, Вурм! Сколько я понимаю, вы тоже на нее заглядываетесь? Но, видите ли, милейший Вурм, то обстоятельство, что сын мой – дамский угодник, дает мне надежду, что и дамы будут к нему благосклонны. Он сможет многого добиться при дворе. Вы говорите, что девушка хорошенькая? Мне приятно, что у моего сына есть вкус. Он морочит голову этой дурочке, будто у него серьезные намерения? Тем лучше, – значит, он достаточно находчив и врет ей с три короба. Пожалуй, будет еще президентом. И ко всему имеет успех? Отлично. Это явный знак, что он удачлив. Кончится этот фарс появлением на свет здорового внука? Чудесно! Я выпью лишнюю бутылку малаги за свежий побег на моем родословном древе и уплачу штраф за обольщение девицы.

Вурм. Я одного боюсь, ваше превосходительство: как бы вам не пришлось пить эту бутылку только для того, чтобы забыться!

Президент *(строго)*. Вам известно, Вурм, что, раз поверив, я уже не разуверяюсь и гнев мой предела не знает. Я охотно оберну в шутку ваше желание определенным образом меня настроить. Что вам не терпится убрать с дороги соперника, это мне ясно. Затмить моего сына в глазах девчонки вам не удается, и вы хотите воспользоваться отцом, как хлопушкой для мух, – это мне тоже понятно; а что у вас такие поразительные способности к плутовству – это меня даже приводит в восторг. Но только, милейший Вурм, я вам не советую дурачить заодно и меня, советую вам помнить, что со мной шутки плохи.

Вурм. Прошу прощения, ваше превосходительство. Если б даже и в самом деле, как вы подозреваете, здесь была замешана ревность, то ее можно было бы уловить в выражении моего лица, но, уж во всяком случае, не в речах.

Президент. По-моему, лучше бы ее не было вовсе. Чудак! Не все ли вам равно, попадет к вам монета прямо с монетного двора или же от банкира? Берите пример с местного дворянства: умышленно или неумышленно, но только у нас редко когда заключается брачный договор без того, чтобы, по крайней мере, полдюжины гостей, а то и слуг, предварительно не измерили геометрическим способом тот рай, что уготован жениху.

Вурм *(кланяется)*. В этом случае я предпочел бы остаться мещанином.

Президент. К тому же в ближайшее время вы будете иметь удовольствие наилучшим образом отплатить своему сопернику за обиду. Как раз теперь кабинет вынес решение, что леди Мильфорд в связи с появлением новой герцогини должна для отвода глаз получить отставку и, чтобы уже не было никаких подозрений, выйти замуж. Вы знаете, Вурм, насколько занимаемое мною положение зависит от влияния леди и сколь мощную пружину

моего успеха составляет уменье потворствовать прихотям герцога. Его высочество подыскивает партию для леди Мильфорд. Ему может подвернуться кто-нибудь другой, и этот другой пойдет на сделку и вместе с дамой сердца приобретет доверие герцога, станет необходимым для него человеком. Так вот, для того чтобы герцог продолжал оставаться в сетях у моей семьи, Фердинанд и должен жениться на леди Мильфорд. Вам это ясно?

Вурм. Как божий день. Во всяком случае, ваша милость доказывает этим, что президент в вас куда сильнее, чем отец! Если майор окажется таким же послушным сыном, как вы – нежным отцом, то ваши намерения могут встретить сопротивление.

Президент. К счастью, я еще ни разу не усомнился в осуществимости плана, на котором я счел возможным начертать: быть по сему!.. Видите, Вурм, вот мы и вернулись к исходному пункту. Я еще до обеда объявлю моему сыну о том, что ему предстоит обручиться. По выражению его лица я сразу пойму, оправдываются ваши подозрения или же их следует решительно отмести.

Вурм. Прошу меня извинить, ваша милость. Вид у вашего сына будет, несомненно, расстроенный, но отсюда еще не следует, что расстроится он из-за того, что вы у него отнимаете невесту, а не из-за того, какую именно невесту вы подыскали ему взамен. Не угодно ли вам будет прибегнуть к более сильному испытанию? Предложите ему самую безупречную партию во всем государстве, и вот если он согласится, тогда приговорите вашего секретаря Вурма к трем годам каторжных работ.

Президент *(кусая губы)*. Черт возьми!

Вурм. Да, да, уверяю вас. Ее мать, ходячая глупость, в простоте душевной выболтала достаточно.

Президент *(ходит взад и вперед, чтобы успокоиться)*. Хорошо! Сегодня же утром.

Вурм. Только прошу вас не забыть, ваше превосходительство, что майор – сын вашей милости…

Президент. Его не тронут, Вурм.

Вурм …и что моя услуга, состоящая в том, что я помог вам избавиться от нежеланной невестки…

Президент …требует и с моей стороны услуги помочь вам жениться?.. С удовольствием, Вурм!

Вурм *(довольный, кланяется)*. Вечный раб вашей милости! *(Хочет уйти.)*

Президент. Но то, что я вам сейчас доверил, Вурм… *(угрожающе)* если вы проговоритесь…

Вурм *(со смехом)*. То ваше превосходительство докажет, что я подделывал подписи. *(Уходит.)*

Президент. Ты у меня в руках! Я держу тебя на твоем же собственном мошенничестве, как жука на нитке.

Камердинер *(входит)*. Гофмаршал фон Кальб!

Президент. Как нельзя более кстати!.. Очень рад!

Камердинер *уходит.*

Сцена шестая

Гофмаршал фон Кальб *в богатом, но безвкусном придворном костюме, с камергерским ключом, двумя часами и шпагой, в руке – chapeau bas*[1] *подстрижен a la herisson*[2]*, взвизгивая, подлетает к президенту и распространяет по всему партеру запах мускуса.* ***Президент****.*

Гофмаршал *(обнимая его)*. С добрым утром, мой драгоценнейший! Как отдыхали? Как почивали? Простите, что я так поздно имею удовольствие… Неотложные дела… выбор меню… визитные карточки… составление компаний для сегодняшней прогулки в санях… Ух!.. А тут еще надо было присутствовать при lever[3] и доложить его высочеству о погоде.

Президент. Да, конечно, маршал, вам невозможно было отлучиться.

Гофмаршал. В довершение всего меня надул шельма портной.

Президент. И вы все успели?

Гофмаршал. Это еще что! Сегодня у меня беда за бедой. Вы только послушайте!

Президент *(рассеянно)*. Да неужели?

Гофмаршал. Вы только послушайте! Едва я вышел из кареты, как лошади чего-то испугались, начали брыкаться, потом взвились на дыбы и снизу доверху забрызгали грязью мои, с позволенья сказать, панталоны. Что тут делать? Войдите, ради Бога, в мое положение, барон. Я стою на улице. Уже поздно. Ехать назад, предстать в таком виде перед его высочеством – Боже правый!.. Что же я придумал? Я притворился, что мне дурно. Меня скорей на руки и прямо в карету. Мчусь во весь дух домой… переодеваюсь… еду обратно… Каково?.. И в приемной я все-таки первый… Как вам это понравится?

Президент. Великолепный образец человеческой находчивости… Но оставим это, Кальб… Итак, вы уже говорили с герцогом?

Гофмаршал *(торжественно)*. Двадцать минут тридцать секунд.

Президент. Да что вы! Значит, у вас, бесспорно, есть для меня какие-нибудь важные новости?

Гофмаршал *(после некоторого молчания, с серьезным лицом)*. Его высочество сегодня в касторовом камзоле цвета гусиного помета.

Президент. Вы подумайте!.. Нет, маршал, я могу вам сообщить нечто более любопытное… Вы, вероятно, еще не знаете, что леди Мильфорд выходит замуж за майора Вальтера?

Гофмаршал. Да что вы говорите?.. И это уже решено?

Президент. Решено и подписано, маршал… И я вам буду очень обязан, если вы прямо отсюда отправитесь к леди, предупредите ее, что к ней собирается с визитом Фердинанд, и оповестите о его намерении весь город.

Гофмаршал *(в восторге)*. О, с величайшей радостью, мой драгоценнейший! Это для меня такое наслаждение! Лечу, лечу! *(Обнимает его.)* Будьте здоровы… Через три четверти часа об этом будет знать вся столица. *(Выпархивает из комнаты.)*

Президент *(смеется ему вслед)*. А еще говорят, что такие существа решительно ни на что не годны!.. Ну, уж теперь Фердинанду придется дать согласие, иначе выйдет, что лжет весь город! *(Звонит.)*

Входит ***Вурм****.*

Позовите ко мне моего сына.

Вурм *уходит, президент в задумчивости расхаживает по залу.*

---

[1] Шляпа с низкой тульей *(франц.)*.

[2] Ежиком *(франц.)*.

[3] Одевании знатной особы *(франц.)*.

Сцена седьмая

Фердинанд, президент. Вурм *появляется и сейчас же уходит.*

Фердинанд. Вы приказали, батюшка…

Президент. К сожалению, чтобы иметь удовольствие видеть сына, я всякий раз вынужден теперь приказывать… Оставьте нас, Вурм!.. Фердинанд, я с некоторых пор наблюдаю за тобой и не нахожу больше того юношеского чистосердечия и порывистости, которые мне так нравились в тебе прежде. На твоем лице застыло выражение какой-то необычной грусти… Ты избегаешь меня, избегаешь общества… Нехорошо!.. Человеку твоих лет скорее можно простить десять кутежей, чем один-единственный приступ хандры. Озабоченное выражение более пристало мне, дорогой мой! Предоставь мне побеспокоиться о твоем счастье, а сам старайся только содействовать успеху моего предприятия… Подойди, обними меня, Фердинанд!

Фердинанд. Вы сегодня очень милостивы, отец.

Президент. Только сегодня? Ах ты, разбойник! Да еще говоришь мне это с такой кислой миной! *(Торжественно.)* Фердинанд! Ради кого я избрал опасный путь, чтобы войти в доверие к его высочеству? Ради кого я расторг союз со своей совестью и с небом?.. Послушай, Фердинанд… Я говорю со своим сыном… Кому я освободил место, убрав моего предшественника? Этот поступок тем глубже вонзается в мое сердце, чем старательнее прячу я нож от людей. Ответь же мне, Фердинанд, ради кого я пошел на все это?

Фердинанд *(в ужасе отступает)*. Но ведь не ради меня, отец? Ведь не на меня падает кровавый отсвет этого злодейства? Боже Всемогущий! Лучше совсем не родиться на свет, чем служить предлогом для этого преступления!

Президент. Что? Что такое? Ох уж эти мне романтические бредни!.. Фердинанд, я постараюсь говорить с тобой спокойно, дерзкий мальчишка… Так-то ты платишь мне за бессонные ночи? Так-то ты платишь мне за всечасные заботы? Так-то ты платишь мне за то, что меня вечно жалит скорпион совести? Бремя ответственности падает на меня. Проклятие, Божья кара – все падает на меня. Ты получаешь счастье из вторых рук. Преступление не оставляет кровавых пятен на наследстве.

Фердинанд *(воздевает правую руку к небу)*. От такого наследства, которое будет только напоминать мне о моем ужасном отце, я торжественно отрекаюсь.

Президент. Послушай, юнец, не выводи меня из себя! Если б я рассуждал так же, ты бы весь свой век ползал во прахе.

Фердинанд. Ах, отец, насколько же это было бы лучше, чем ползать у трона!

Президент *(сдерживаясь)*. Гм!.. Ты не понимаешь своего счастья. Куда другие как ни стараются, а все не могут взобраться, ты вознесся шутя, словно во сне. В двенадцать лет ты уже прапорщик. В двадцать – майор. Я добился этого у герцога. Ты снимешь мундир и поступишь в министерство. Герцог обещает тебе чин тайного советника… службу в посольстве… необыкновенные милости. Перед тобой открываются прекрасные виды на будущее! Сначала ровная дорога к трону, а потом и на самый трон, если только имеет смысл менять самую власть на ее внешние признаки. Неужели это тебя не вдохновляет?

Фердинанд. Нет, потому что мои понятия о величии и о счастье заметно отличаются от ваших… Вы достигаете благополучия почти всегда ценою гибели другого. Зависть, страх, ненависть – вот те мрачные зеркала, в которых посрамляется величие властителя… Слезы, проклятия, отчаяние – вот та чудовищная трапеза, которой услаждают себя эти прославленные счастливцы. И не успеет у них пройти хмель, как они, шатаясь, уже отходят в вечность, к престолу Всевышнего. Нет, мой идеал счастья скромнее: он заключен во мне самом. В моем собственном сердце – вот где таятся все мои желания.

Президент. Прекрасно ты говоришь! Лучше нельзя! Превосходно! После тридцатилетнего перерыва я снова слушаю первую лекцию! Жаль только, что моя пятидесятилетняя голова стала худо воспринимать! Впрочем… чтобы твой редкостный дар не оставался втуне, я намерен дать тебе спутницу жизни, – вот, пожалуйста, ей и забивай голову всем этим высокопарным вздором. Ты должен сегодня же… решиться… решиться на брак.

Фердинанд *(в изумлении отступает)*. Отец!

Президент. Не благодари меня… Я послал от твоего имени визитную карточку леди Мильфорд. Будь любезен, сейчас же отправляйся к ней и сделай ей официальное предложение.

Фердинанд. Как, отец, той самой Мильфорд?

Президент. Надеюсь, ты знаешь ее…

Фердинанд *(теряя самообладание)*. Есть ли в нашем городе хоть один позорный столб, который бы о ней не знал? Однако, батюшка, в какое же я попал смешное положение: я шутку вашу принял всерьез! Да разве вы пожелаете быть отцом негодяя сына, который берет себе в жены высокопоставленную распутницу?

Президент. А что ж тут такого? Я бы и сам к ней посватался, если б только она пошла за пятидесятилетнего. Ты-то разве не пожелал бы при таких обстоятельствах быть сыном негодяя отца?

Фердинанд. Нет! Клянусь Богом!

Президент. Это, конечно, дерзость, но я ее тебе прощаю – за оригинальность.

Фердинанд. Прошу вас, отец, прекратить этот разговор, иначе я не в силах буду называть себя вашим сыном.

Президент. Ты взбесился, мальчишка? Какой благоразумный человек не жаждал бы обладать преимуществом – бывать у кого-нибудь по очереди с главой государства?

Фердинанд. Вы становитесь для меня загадкой, отец. Вы называете преимуществом – преимуществом! – быть соучастником государя в таком грязном деле, на какое никто из простых смертных не пойдет.

Президент хохочет.

Смейтесь, отец… Хорошо, мы не будем вовсе этого касаться. Но как я посмотрю в глаза последнему ремесленнику, который, по крайней мере, получает в приданое за женой ее тело на правах единственного обладателя? Как я буду смотреть людям в глаза? В глаза герцогу? Самой герцогской наложнице, которая желает отмыть пятно на своей чести в моем позоре?

Президент. Где ты всего этого нахватался, мальчишка?

Фердинанд. Заклинаю вас небом и землею, отец. Унизив единственного сына, вы сделаете его несчастным, но сами счастливее от этого не станете. Я жизни своей не пожалею, если только это послужит вашему возвышению. Своею жизнью я обязан вам, и я не задумываясь принесу ее, всю без остатка, в жертву вашему величию. Но моя честь, отец… раз вы у меня ее отнимаете, значит, легкомыслием и подлостью было с вашей стороны давать мне жизнь, и я вынужден проклясть своего отца как сводника.

Президент *(дружески хлопая его по плечу)*. Браво, мой милый сын! Теперь я вижу, что ты честный малый, ты достоин лучшей женщины во всем нашем герцогстве!.. И она будет твоей. Сегодня же днем ты обручишься с графиней фон Остгейм.

Фердинанд *(снова поражен)*. Что же это за день выдался мне, он сразит меня окончательно!

Президент *(смотрит на него испытующе)*. Уж этот-то выбор, надо надеяться, не задевает твоей чести?

Фердинанд. Нет, отец! Всякого другого Фредерика фон Остгейм могла бы осчастливить. *(В крайнем замешательстве, про себя.)* Что не тронула в моем сердце его злоба, то разрывает в клочья его доброта.

Президент *(все еще глядя на него в упор)*. Я жду от тебя благодарности, Фердинанд…

Фердинанд *(бросается к нему и с жаром целует руку)*. Отец, ваше благодеяние трогает меня до глубины души… Отец, я чрезвычайно вам благодарен за ваше доброе намерение… выбор ваш безупречен… но… к моему большому сожалению… я не могу… я не вправе… я не могу любить графиню!

Президент. Ого! Сейчас видно желторотого птенца! Попался-таки в ловушку, хитрый лицемер! Значит, дело не в чести, будто бы не позволяющей тебе жениться на леди Мильфорд? Значит, дело не в личности, а ты против женитьбы вообще?

Фердинанд стоит как вкопанный, затем вздрагивает и порывается бежать.

Куда? Стой! Вот оно, твое сыновнее почтение!

Майор возвращается.

Леди поставлена о тебе в известность. Герцогу я дал слово. Город и двор осведомлены обо всем. И если из-за тебя, мальчишка, я окажусь лжецом перед герцогом… перед леди Мильфорд… перед двором… перед всем городом… Слушай, мальчишка… если мне станут известны некоторые похождения… Ого! Постой! Что это ты стал так бледен с лица?

Фердинанд *(белый как снег, весь дрожа)*. Что? Разве? Пустое, отец!

Президент *(устремляя на него ужасный взгляд)*. Если это неспроста… если я нападу на след и дознаюсь, чем вызвана твоя строптивость… тогда берегись, мальчишка! Уже одно подозрение приводит меня в ярость. Иди сию же минуту! Сейчас начинается вахтпарад. Ты явишься к леди, как только будет вручен пароль… Передо мной трепещет все герцогство. Посмотрим, возьмет ли надо мною верх своевольный сын. *(Направляется к выходу и снова возвращается.)* В последний раз говорю тебе, мальчишка: ступай туда, не то бойся моего гнева! *(Уходит.)*

Фердинанд *(выйдя из тягостного оцепенения)*. Он ушел? Ужели то был голос отца?.. Да, я пойду к ней… пойду туда… Я расскажу ей такие вещи, я поставлю перед ней такое зеркало… Гнусная тварь! Если ты и тогда потребуешь моей руки, то перед лицом всего дворянства, войска и народа, хотя бы ты была защищена всей гордыней твоей Англии, я, немецкий юноша, тебя отвергну! *(Быстро уходит.)*

Акт второй

Сцена первая

Зал во дворце леди Мильфорд; направо софа, налево рояль.

***Леди**, с еще не завитыми волосами, в прелестном свободном неглиже, сидит за роялем и импровизирует. **Софи**, камеристка, отходит от окна.*

Софи. Офицеры расходятся. Вахтпарад окончился, а Вальтера не видно.

Леди *(в сильном беспокойстве встает и проходит по залу)*. Не знаю, что со мной сегодня, Софи… Никогда еще со мной этого не было… Так ты его не видела?.. Ну да, конечно… Ему спешить нечего… У меня такая тяжесть на сердце, как будто я совершила преступление… Поди, Софи, скажи, чтобы мне оседлали самого бешеного скакуна, какой только есть в конюшне. Я хочу на простор, хочу видеть людей и голубое небо; от быстрой езды мне станет легче.

Софи. Если вам скучно, миледи, позовите к себе гостей. Позовите герцога обедать, а не то так велите поставить перед вашей софой карточные столы. Будь к моим услугам герцог и весь двор, стала бы я хандрить!

Леди *(бросается на софу)*. Ах, нет, уволь! Если ты возьмешься ограждать меня от посетителей, я готова дарить тебе по брильянту за каждый час. Для чего мне вся эта публика? Для декорации?.. Когда у меня срывается невзначай теплое, искреннее слово, эти жалкие, дрянные людишки таращат глаза и разевают рты, как будто перед ними привидение. Такими марионетками мне легче управлять, чем вязальными спицами. Что мне делать с этими людьми, если все их душевные движения так же размеренны, как ход часовой стрелки? Что за интерес спрашивать их о чем-нибудь, раз я знаю заранее, что они мне ответят? Что за интерес обмениваться с ними впечатлениями, раз у них не хватает смелости иметь свое мнение?.. Нет, вон их, вон! Противно ездить на лошади, которая не кусает даже своих удил. *(Подходит к окну.)*

Софи. Но ведь герцога-то вы к ним не причисляете, леди? Это самый красивый мужчина, самый страстный любовник и самый остроумный человек во всей его стране.

Леди *(отходит от окна)*. То-то и дело, что в его стране… Только его герцогское звание, Софи, и может служить слабым оправданием моему выбору. Ты говоришь, мне завидуют. Бедная я! Жалеть меня надо, а не завидовать. Из всех, кто кормится от щедрот властелина, самая печальная судьба постигает его фаворитку, потому что ей одной видно все убожество великого и богатого человека. Правда, ему стоит обратиться к талисману своего величия – и все, что моей душе угодно, вырастет из-под земли, словно волшебный замок. Он раскладывает передо мной сокровища обеих Индий, создает рай в пустыне, заставляет родники своей страны горделивыми дугами взлетать к небу и разбрызгивает в фейерверках кровь и пот своих подданных. Но может ли он приказать своему сердцу – в лад другому сердцу, могучему, пылкому, – биться так же могуче и пылко? Способна ли одряхлевшая его душа хоть на один высокий порыв? Чувственных наслаждений у меня довольно, а между тем я испытываю сердечный голод. На что мне столько упоительных ощущений, которые лишь охлаждают жар в моей крови?

Софи *(смотрит на нее с удивлением)*. Ведь я же к вам давно поступила, миледи?

Леди. И только сейчас узнала меня?.. Твоя правда, милая Софи… Я продала герцогу свою честь, но сердце мое осталось свободным, и, может быть, дорогая, оно еще найдет себе кого-нибудь более достойного, – тлетворный воздух двора коснулся его лишь так, как дыхание касается зеркала. Можешь мне поверить, моя милая, что я давно бы уже отказалась

от этого презренного герцога, если бы только самолюбие позволило мне уступить место какой-нибудь придворной даме.

Софи. И ваше сердце так легко подчинилось самолюбию?

Леди *(живо)*. А ты думаешь, мое сердце не мстило за себя?.. И теперь не мстит?.. Софи! *(Положив ей руку на плечо, торжественно.)* У нас, женщин, выбор один: властвовать – или покоряться. Но даже упоение самой неограниченной властью – это только жалкое самоутешение, если мы лишены наивысшего счастья – быть рабыней любимого человека.

Софи. Вот уж это, миледи, я от вас никак не ожидала услышать!

Леди. Но отчего же, Софи? Разве по тому, как по-детски держим мы скипетр, не видно, что наш удел ходить на помочах? Разве ты не заметила, что мои причуды и прихоти, все мои дикие забавы лишь заглушают в моей груди еще более дикие страсти?

Софи *(пораженная, отступает)*. Леди!

Леди *(с еще большей живостью)*. Утоли их! Приведи мне человека, о котором я сейчас думаю… которого я боготворю… Я должна завладеть им, Софи, или умереть. *(С нежностью.)* Дай мне услышать из его уст, что слезы любви, сверкающие в моих глазах, прекраснее, чем брильянты, вплетенные в мои волосы… *(страстно)* и я брошу к ногам герцога и его сердце, и все его герцогство! Брошу и убегу с этим человеком на край света…

Софи *(смотрит на нее испуганно)*. Господи! Да что же это? Что с вами, миледи?

Леди *(в замешательстве)*. Отчего ты побледнела? Разве я сказала что-нибудь лишнее?.. Пусть же моя доверчивость наложит на твои уста печать молчания… Сейчас ты узнаешь еще больше… узнаешь все…

Софи *(пугливо озираясь)*. Я боюсь, миледи… боюсь… что буду знать слишком много.

Леди. Брак с майором… Ты и весь свет воображаете, что это придворная интрига… Софи!.. Не красней… не испытывай за меня стыда… Это затеяла… моя любовь!

Софи. Я так и думала! Клянусь Богом!

Леди. Их нетрудно было убедить, Софи: слабовольного герцога, придворного хитреца Вальтера, глупого гофмаршала… Каждый из них готов поклясться, что этот брак – верное средство сохранить меня для герцога и упрочить нашу с ним связь. О нет! Это – средство навеки ее разорвать, навеки разбить позорные эти цепи! Обманутые лжецы, которых перехитрила слабая женщина! Вы сами приводите ко мне теперь моего возлюбленного. Этого я и хотела. Как только он будет мой… как только он будет мой… о, тогда прощай навек все это гнусное великолепие!..

Сцена вторая

Те же; старый ***камердинер*** *герцога приносит шкатулку с драгоценностями.*

Камердинер. Его высочество герцог кланяется вашей милости, миледи, и посылает вам к свадьбе вот эти брильянты. Он только что получил их из Венеции.

Леди *(открывает шкатулку и в испуге отшатывается)*. Послушай, сколько же герцог заплатил за эти камни?

Камердинер *(мрачно)*. Они не стоили ему ни гроша!

Леди. Что? Ты с ума сошел! Ничего не стоили?.. Что же ты *(отступая на шаг)*, что же ты смотришь таким взглядом, будто хочешь меня пронзить? Эти безумно дорогие камни ничего не стоят?

Камердинер. Вчера семь тысяч сынов нашей родины отправлены в Америку, – вот они-то и платят за все.

Леди *(резким движением отодвигает шкатулку и быстрым шагом приближается к камердинеру; после небольшого молчания)*. Послушай, что с тобой? Ты, кажется, плачешь?

Камердинер *(утирает слезы; весь дрожа, душераздирающим голосом)*. Сами-то они дороже всех брильянтов на свете… Там было и двое моих сыновей.

Леди *(содрогнувшись, отворачивается и схватывает его за руку)*. Но ведь не насильно же их?

Камердинер *(с горьким смехом)*. Какое там насильно! Нет, все сплошь добровольцы! Правда, когда их выстроили во фронт, нашлись ребята посмелее, вышли из рядов и спросили у полковника, сколько герцог берет за пару таких, как они. Но всемилостивейший наш государь отдал приказ всем полкам выстроиться на плацу и расстрелять крикунов. Мы слышали залп, видели, как брызнул на мостовую мозг, а затем все войско крикнуло: «Ура! В Америку!»

Леди *(в ужасе падает на софу)*. Боже мой! Боже мой! И я ничего об этом не слышала! Ничего не знала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.